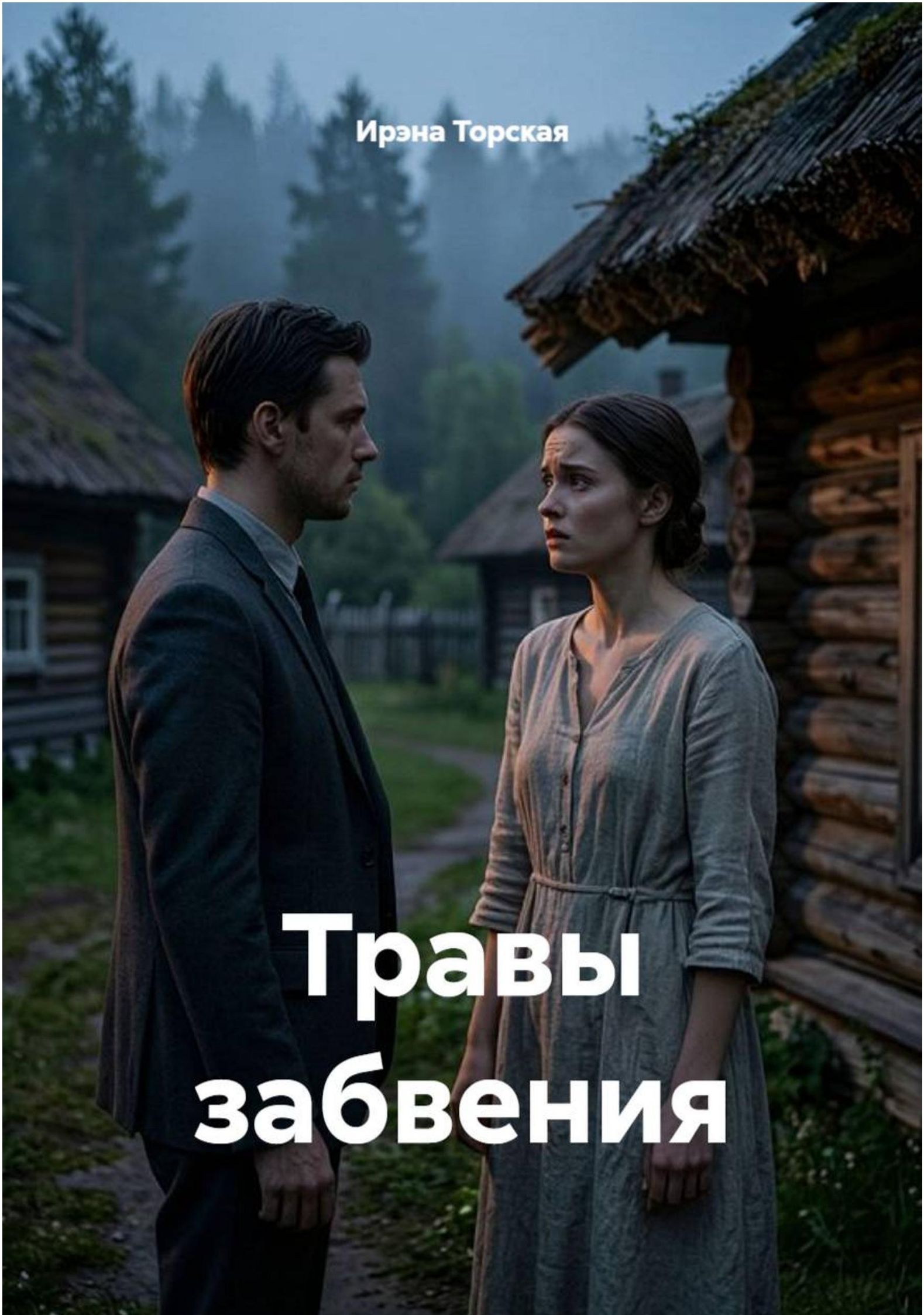

Ирэна Торская
Травы забвения

Ирэна Торская

Травы забвения

«Автор»
2026

Торская И.

Травы забвения / И. Торская — «Автор», 2026

Современная российская глубинка, деревня, затерянная в лесах, где до сих пор живы языческие суеверия. Глеб — циничный московский урбанист, приехавший выкупать земли под элитный коттеджный поселок. Аглая — местная травница, которую односельчане считают ведьмой и сторонятся. Глеб случайно уничтожает священную рощу, после чего на поселок падает древнее проклятие — «серый морок», стирающий у людей эмоции и волю. Чтобы выжить, Глебу приходится просить помощи у Аглаи. Он для нее — разрушитель и чужак, она для него — сумасшедшая фанатичка. Вынужденное партнерство строится на ритуалах. Чтобы снять проклятие, они должны провести вместе 40 дней в лесу, питаясь только тем, что найдут, и деля одну флягу воды. Любовь рождается не из страсти, а из тихого ужаса перед тем, что они могут потерять друг друга в лесу.

© Торская И., 2026
© Автор, 2026

Ирэна Торская
Травы забвения

Глеб ненавидел вибрацию. Не скорость, не плохую дорогу, а именно эту мелкую, въедливую дрожь, которая поднималась от гравийки через днище «Рейндж Ровера» прямо в его челюсть. Он сжал руль так, что побелели костяшки. Костюм от Zegna прилипал к лопаткам — кондиционер не справлялся с августовской духотой, пахнущей пылью и прелой хвоей.

На заднем сиденье, в идеальном порядке, лежали папки. Землеустроительное дело. Оценка рыночной стоимости. Проект межевания. Триста гектаров векового леса, которые он собирался превратить в «Резиденцию "Северная Венеция"» — элитный поселок из сорока срубов с панорамным остеклением для таких же, как он. Инвесторы уже перевели аванс. Глебу нужно было просто поставить подпись на договоре купли-продажи с местными пьянчужками, которые даже не понимали, чем владеют.

Деревня Залесье выплыла из-за поворота внезапно. Десяток домов, вросших в землю по самые окна. Покосившиеся заборы, на которых сушились какие-то серые тряпки. Спутниковые тарелки, прикрученные ржавой проволокой к гнилым бревнам. Цивилизация здесь выглядела как насмешка.

Глеб припарковался у единственного дома, где на крыше не рос мох. Глава администрации, дядя Коля, вышел на крыльцо, вытирая руки о засаленные треники. От него несло сивухой и дешевым табаком. — Участок смотреть? — сипло спросил он, щурясь на солнце. — Только это… ты бы, мил человек, за ручей-то не ходил. Там роща старая. Наши туда не суются. Место плохое. — Николай, — Глеб даже не открыл дверь машины, говорил через приспущенное стекло. Голос у него был ровный, обкатанный на советах директоров. — Я покупаю гектары. Мне плевать на ваши краеведческие страшилки. Там болото и бурелом. Я выведу это под ИЖС, подведу газ, и через год вы свои дома продадите по цене московских однушек. Все просто. Открывайте бутылку. — Не про то я, — дядя Коля переступил с ноги на ногу. — Там деревья старые. Очень старые. Батя говорил, их трогать нельзя. Замок там. — На замок я вызову МЧС и выпишу штраф за незаконную порубку, если кто-то решит мне помешать, — отрезал Глеб. — До связи.

Он заблокировал двери. Ненависть к этому месту была чистой, почти физической. Ненависть к грязи под ногтями дяди Коли, к запаху, к тому, как медленно здесь тянулось время. В Москве Глеб принимал решения на миллионы долларов за время, пока закипал чайник. Здесь он терял минуты, слушая бредни алкоголика.

Чтобы проветрить голову и доказать себе, кто здесь хозяин, он достал из багажника профессиональный квадрокоптер. Дорогая игрушка, ледяной пластик пульта управления. Он отошел от деревни метров на триста, туда, где начинался густой ельник.

Лес встретил его стеной. Воздух здесь был другим — плотным, сладковатым от гнили. Глеб включил пульт. Дрон с тихим жужжанием взмыл в серое небо. На экране планшета замелькали изумрудные кроны. Идеально. Просто нужно вырубить просеку под главный въезд, снести этот гнилой подлесок.

Он пошел вглубь, выбирая ракурс. Под ногами чавкало. И тут он увидел её. Липу. Невероятных размеров, в три обхвата, стоявшую на пересечении едва заметных звериных троп. Ее кора была черной от времени, а в дупле у корней кто-то накидал старых монет и тряпичных кукол.

Глеб остановился. С собой он взял бензопилу «Штиль» — на всякий случай, если придется доказывать лесникам свою правоту силой документов. «Просто дерево», — сказал он себе. — «Биомасса. Дрова».

Он поднял пилу. Рывок стартера. Двигатель взревел, разрывая лесную тишину с непристойной агрессией. Глеб вогнал зубья в податливую, на удивление влажную кору.

Пила вошла легко, слишком легко. На зубья брызнуло что-то темное, густое, пахнущее не древесным соком, а железом. Глеб надавил сильнее, делая обратный ход.

В ту секунду, когда ствол липы начал крениться, лес умер.

Смолкло жужжание пилы — Глеб отпустил газ, но звук словно обрезало ножом. Не стало пения птиц. Не стало стрекота кузнечиков. Не стало даже шелеста листвы, хотя ветер явно тянул верхушками елей. Наступила абсолютная, ватная тишина. Давление в ушах сменилось звоном, а затем — глухим, серая пустота заполнила легкие.

Радость от удачного кадра испарилась. Удовлетворение от того, что он поставил на место аборигенов, исчезло. Глеб стоял над поверженным деревом и чувствовал только бесконечную, всепоглощающую усталость. Такую, какая бывает в четыре утра после суток без сна, когда ты понимаешь, что вся твоя жизнь — это бег по кругу в пустом офисе.

«Серый морок» опустился на него, как тяжелое, мокрое сукно.

Он попытался сделать шаг обратно к машине. Ноги были ватными. Он повернулся в сторону деревни. Дома стояли на месте, но казались нарисованными на сером картоне. Ни дымка из труб, ни движения.

Глеб достал телефон. Полная сеть, четыре палки LTE. Он набрал номер водителя. — Серега, заезжай за мной. Я у ручья. В трубке раздался голос. Но он был плоским, лишенным интонаций. Как у робота, который зачитывает инструкцию к пылесосу. — *Принято. Выезжаю. Конец связи.*

Глеб уронил руки. Он был заперт. Не в лесу. В собственной голове, из которой кто-то только что высосал все цвета, оставив только оттенки пепла. И в центре этой серой пустоты, на поваленном стволе священной липы, лежала его тень — черная, рваная, абсолютно чужая.

Дорога до деревни заняла у него двадцать минут, хотя идти было метров триста. Каждый шаг давался так, словно он брел по дну бассейна. Воздух стал густым, в нем не хватало кислорода, хотя легкие работали исправно. Просто телу не за что было зацепиться — ни страха, ни надежды, ни даже злости на собственную глупость.

Залесье встретило его открытыми калитками. Собаки не лаяли. Куры не кудахтали. На единственной детской качели, приваренной к березе, сидел мужик в тельняшке. Он медленно, с механической точностью, отталкивался ногой от земли. Раз. Два. Раз. Глеб подошел ближе. Лицо мужика было абсолютно гладким. Ни морщинки удивления, ни следа скуки. Пустота. Он просто качался, пока ржавые петли скрипели в такт.

— Эй, — хрипло позвал Глеб. — Николай где? Мужик не повернул головы. Он продолжал смотреть прямо перед собой, на ржавый забор. Глеб схватил его за плечо. Пальцы утонули в мышцах, но мужик даже не вздрогнул. Он просто перестал качать ногой, замер, а потом медленно, как сломанный механизм, повернул голову. Его зрачки были сужены в точку. Он открыл рот, но издал только тихий, свистящий выдох. Глеб отшатнулся, вытирая руку о брюки. На ткани остался запах земли и застоявшейся воды.

Его паника была первой настоящей эмоцией за этот час. Острой, ледяной, пробившей серую вату. Это не массовое отравление. Это не газ. Это что-то, что он притащил на подошвах своих итальянских ботинок из леса.

Глеб побежал. Он дергал ручки машин, стоявших у домов — заперто. Он бросился к своему «Рейндж Роверу». Ключ не поворачивался. Электроника внедорожника, набитая чипами, мигала всеми лампочками, но стартер молчал. Лес не отпускал. Дорога, по которой он приехал, теперь просто упиралась в стену непроходимого бурелома, которого там не было пять минут назад.

Он остался один среди живых мертвецов.

Дом Аглаи стоял на самом отшибе, там, где трава была по пояс, а забор давно упал внутрь двора. Крыша из дранки поросла зеленым мхом. Глеб вломился в калитку, даже не заметив, что она была не заперта.

Дверь сеней открылась до того, как он успел постучать.

На пороге стояла женщина. Высокая, худая, в грубом домотканом платье. В руках она держала топор. Не угрожающе, а просто — как держат лопату или сковородку. Ее лицо было бледным, а вокруг глаз залегли тени, но взгляд был острым, как стекло. Она смотрела не на его дорогой костюм. Она смотрела сквозь него.

— Ты, — голос у нее был хриплым, прокуренным, но звучным. — Зачем липу тронул? — Вы не понимаете, — Глеб выставил перед собой руки, пытаясь казаться больше, значимее. — Я Глеб Орлов, представитель инвестгруппы. У меня документы. Произошла какая-то химическая утечка, или вирус… Вы должны вызвать скорую. Ваши люди… они пустые. — Они спят, — отрезала она. — А скоро уснут совсем. Ты замок сломал, чужак. Теперь Морок жрет. — Мне плевать на ваши сказки, — его голос сорвался на визг, и Глеб возненавидел себя за эту истерику. — Мне нужна машина. Или телефон с выходом на спутник. Я вызову сюда Росгвардию, если вы меня не выпустите. Вы ответите за препятствование деятельности.

Аглая шагнула вперед. Она двигалась плавно, перетекая с пятки на носок, и Глеб вдруг понял, что топор в ее руках — не для дров. Он попятился, споткнулся о порог и упал спиной в сени, на старые грабли. Деревянный зуб со звоном ударил его по затылку.

Аглая перешагнула через него. Она не занесла топор. Она захлопнула тяжелую дубовую дверь сеней и задвинула засов.

Темнота. Пахло сушеными травами, пылью и чем-то сладковато-горьким — полынью. Глеб нащупал в кармане телефон, посветил фонариком. Аглая стояла в двух шагах, прислонив топор к стене.

— Выпусти, — прохрипел он, чувствуя, как кровь течет по шее. — Я тебя засужу. Я тебя… — Замолчи, выходи— сказала она. — Твой крик жрет Морок быстрее, чем тишина.

Аглая завела его в дом, подошла к русской печи, открыла заслонку. В лицо Глебу пахнуло сухим жаром. Аглая достала чугунок, налила в старую алюминиевую кружку густую черную жижу. — Пей, — она сунула кружку ему под нос. Глеб ударил ее по руке. Кружка отлетела в угол, черная жижа разлилась по некрашеным доскам. — Я не буду пить твою мочу, ведьма!

Аглая не ударила его в ответ. Она смотрела на него сверху вниз, и в ее глазах впервые мелькнуло что-то похожее на интерес. — Ты не боишься смерти, — тихо сказала она. — Я это чую. Ты боишься беспомощности.

Она сказала это так точно, что у Глеба перехватило дыхание. Беспомощность. Ледяная вода, руки отца, которые соскальзывают с его детского капюшона, темнота над головой. Ему было пять лет, когда он провалился под лед на Оке. Он выжил, но паника осталась жить в его диафрагме, просыпаясь каждый раз, когда он терял контроль.

— У меня паническая атака, — вдруг тихо, почти беззвучно признался он. Слова дались труднее, чем признание в миллиардных убытках. — Я не могу дышать.

Аглая посмотрела на его посеревшее лицо, на пальцы, скрюченные у горла. Ненависть в ее глазах не исчезла, но к ней добавилось что-то тяжелое, как камень. Раздражение.

— Дыши, как я, — скомандовала она. Она села перед ним на корточки, бесцеремонно, по-мужски расставив колени. Взяла его за запястье. Ее пальцы были ледяными. — Слушай мой пульс. Вдох на четыре счета. Раз. Два. Три. Четыре.

Она дышала глубоко, с присвистом — прокуренные легкие работали как кузнечные мехи. Глеб пытался повторить, но горло сдавило спазмом. Он задыхался. Перед глазами поплыли черные точки.

Аглая зарычала от бессилия. Она отпустила его руку, схватила Глеба за волосы на затылке, запрокинула его голову назад и с силой, без предупреждения, влила ему в рот остатки отвара прямо из кувшина.

Горечь. Обдирающая горло, скипидарная горечь полыни, чабреца и еще чего-то металлического. Глеб подавился, закашлялся, инстинктивно попытался вдохнуть, и вдруг спазм в груди лопнул. Воздух ворвался в легкие с болью, как нож. Он жадно хватал ртом пыльный воздух сеней.

Когда он смог сфокусировать взгляд, Аглая уже стояла у двери. Она смотрела на него без всякой жалости. — Вставай, — бросила она. — Твой городской костюм здесь сдохнет. Надевай. И пила твоя сдохла. Бери топор.

Она швырнула ему на колени свои старые резиновые сапоги и ватник, пахнущий псиной и дымом. Глеб смотрел на эту груду тряпок, потом на свои порванные на колене брюки Zegna.

Ненависть вернулась. Но теперь она была другой. Раньше он ненавидел ее за то, что она сумасшедшая. Теперь он ненавидел ее за то, что она единственная здесь осталась живой. И за то, что она только что спасла ему жизнь, унизив его до состояния мокрого котенка.

Он начал стаскивать с себя дорогой кашемировый свитер. Шерсть цеплялась за занозы. Каждое движение было признанием поражения. Но пальцы, только что скрюченные от удушья, слушались. Он выжил. А значит, придется слушать эту ведьму. Сорок дней. Одна фляга на двоих. Глеб закрыл глаза. Лес за стеной дома молчал, и в этой тишине он впервые услышал, как громко стучит его собственное сердце.

Ватник впивался в подмышки грубой, сырой шерстью. Резиновые сапоги, рассчитанные на ногу Аглаи, оказались малы — Глеб чувствовал, как ногти на больших пальцах упираются в черную резину. Он выглядел как пугало, которое выгнали из огорода за профнепригодность. Аглая, уже одетая в брезентовый плащ, окинула его взглядом и криво усмехнулась. В этой усмешке не было веселья, только констатация факта: враг выглядел жалко.

— Морок забирает тех, кто держится за свое барахло, — бросила она, закидывая на плечо холщовый мешок. — Твоя кожа слезет вместе с этим свитером к вечеру. Идем.

Она шагнула за порог, не оглядываясь. Глебу пришлось бежать, чтобы догнать ее. Ватник мгновенно взмок под утренним солнцем. Они вышли за калитку, и Аглая, не сбавляя шага, свернула не к деревне, а в противоположную сторону — в самую чащу, туда, где поваленная Глебом липа оставила за собой просеку из переломанных веток.

— Нам нужно к роще, — бросила она через плечо. — Собирать слезы. — Какие слезы? — просипел Глеб, перепрыгивая через гниющий пень. — Аглая, мои люди начнут меня искать. У меня GPS-трекер в часах. Спутники… — Спутники видят бетон, — отрезала она. — А здесь земля. Морок глушит твою технику. Твои часы сейчас показывают время, которое было до того, как ты срубил дерево. Ты для них умер.

Она остановилась так резко, что Глеб налетел на нее. Они вышли на поляну. В центре, на поваленном стволе его липы, сидела ворона. Она чистила перья, не обращая на людей внимания. Аглая медленно опустилась на колени прямо в мох.

— Смотри, — она ткнула пальцем в свежий срез пня. Глеб подошел ближе. На желтоватой древесине выступила влага. Но это была не смола. Капли были густыми, темно-алыми, и пахли от них не хвоей, а старым мясом и озоном перед грозой. — Сердцевина плачет, — сказала Аглая. — Мы должны собрать ее до заката. Если кровь дерева застынет, мы не снимем печать.

Она достала из мешка стеклянную банку с притертой крышкой. Глеб смотрел, как она аккуратно, кончиком ножа, поддевает кровавую каплю и переносит ее в стекло. Движения были точными, почти хирургическими. Никакой суеты, никакого безумия, которое он ожидал увидеть. Только тяжелая, выверенная работа.

— Почему ты не пустая? — спросил Глеб, глядя, как банка наполняется темной жидкостью. — Почему морок не взял тебя? Аглая не подняла головы. — Я уже пустая, — ровно ответила она. — Десять лет назад. Когда мой Илья сел на крыльцо и перестал моргать. Он просто смотрел на лес. А потом его не стало, хотя тело осталось. Я живу на остатках. Мне нечем платить Мороку, он не видит во мне еды.

Она закрутила крышку. Встала, отряхивая колени. — Теперь слушай правила, урбанист. Первое: молчи. Твой голос звучит как скрежет железа по стеклу. Он привлекает тварей. Второе: идешь за мной шаг в шаг. Свернешь — останешься кормить корни. Третье: воду делим поровну.

Она достала старую армейскую флягу в брезентовом чехле. Отвинтила крышку. Внутри плескалось от силы сто граммов. — Это на сорок дней, — она протянула флягу Глебу. — Твоя паника сушит горло быстрее, чем мой дым. Пей.

Глеб взял флягу. Металл обжигал пальцы. Внутри него всё кричало от абсурдности происходящего. Руководитель департамента развития территорий, человек, который ел устриц на террасе в Монако, должен пить грязную воду из рук сумасшедшей вдовы в лесу, который его убивает.

Он поднес флягу к губам. Вода была теплой, металлической, с привкусом тины. Он сделал крошечный глоток, надеясь оставить больше ей.

Аглая выхватила флягу у него из рук. — Ты что сделал? — ее глаза опасно сузились. — Оставил… тебе, — Глеб почувствовал, как снова начинает гореть лицо от унижения. — Я не пью из полупустой посуды, — прошипела она. — Если мы делим воду, мы делим ее до дна. Каждый раз. До последней капли. Иначе доверие гниет быстрее, чем эти пни. До дна, я сказала.

Она запрокинула голову и влила в себя остатки воды. Дернула кадыком. Закрутила крышку. — Пошли.

Они шли до самого полудня. Лес вокруг них менялся. Деревья становились толще, их кроны смыкались так плотно, что солнце больше не пробивалось вниз. Здесь царил вечный сумрак. Воздух стал тяжелым, пахнущим грибницей и разложением. Глеб стер ноги в кровь в чужих сапогах. Плечи горели от грубой шерсти. Но паника, накрывшая его у машины, не возвращалась. Ее место занял глухой, сосущий голод и раздражение.

Когда тени начали удлиняться, Аглая резко вскинула руку. — Стой.

Впереди, между стволами, что-то двигалось. Это была не звериная тень. Существо напоминало человека, сплетенного из сухих веток и мха. Оно не шло — оно перетекало по земле, огибая деревья. У него не было лица, только сплетение корней, но Глеб чувствовал на себе тяжелый, изучающий взгляд.

— Не дыши, — одними губами приказала Аглая.

Глеб замер. Сердце, только что бухавшее в горле, пропустило удар. Существо остановилось. Повернуло свою корявую голову в их сторону. Глеб вцепился в рукоять топора, который Аглая заставила его нести. Пальцы скользили по влажному дереву.

Тварь сделала шаг к ним. Сучья на ее теле заскрипели.

Аглая медленно, не поворачивая головы, протянула руку назад. Ее пальцы нашли руку Глеба. Она не взяла его за ладонь — она впилась острыми ногтями в тыльную сторону его кисти, прямо между костяшек. Боль была резкой, настоящей.

Сожми, — прошипела она, не разжимая губ. — *Держи меня. Если дернешься — оно прыгнет.*

Глеб сжал ее руку в ответ. Его ладонь была горячей и влажной, ее — ледяной и твердой, как коряга. Он чувствовал каждую трещинку на ее коже. Страх за себя вдруг отошел на второй план, уступив место первобытному ужасу за то, что это существо сейчас оторвет их друг от друга.

Тварь втянула воздух — звук был похож на шелест опавших листьев. А потом, потеряв интерес, она плавно развернулась и ушла в чащу, растворившись в сумерках так же беззвучно, как и появилась.

Аглая не отпускала его руку еще минуту. Она тяжело дышала, прижавшись лбом к его плечу. — Это был Лешак, — выдохнула она. — Он чует страх. А ты воняешь им за версту. Но когда ты сжал мою руку, твой страх пах иначе. Ты боялся не за себя.

Она разжала пальцы. На тыльной стороне ладони Глеба остались четыре красные полумесяца от ее ногтей. Он смотрел на них, потом на Аглаю.

В полумраке леса ее лицо не казалось злым. Оно было смертельно уставшим.

— До темноты час, — сказала она, убирая банку со «слезами» в мешок. — Нам нужно найти сухое место. Ночью Морок спускается на землю. Если уснешь на голой почве — не проснешься.

Глеб кивнул. Язык присох к небу. Он хотел спросить, где они будут спать, что будут есть и как сорок дней выживать в месте, где деревья плачут кровью. Но он вспомнил правило.

Молчи.

Он просто перехватил топор поудобнее и шагнул за ней в сгущающуюся темноту. Ватник больше не казался ему просто грубой тряпкой. Он казался броней. Тяжелой, вонючей, но единственной броней, которая у него была.

Темнота упала на лес мгновенно, словно кто-то наверху задернул гигантский бархатный занавес. Сумерки здесь не переходили в ночь — они просто обрывались. Глеб остановился, ослепнув после долгого полумрака. Аглая замерла впереди, слившись со стволом старой ели.

— Пришли, — тихо сказала она.

Глеб моргнул, сфокусировал зрение и увидел перед собой провал в земле. Старый охотничий схрон, вырытый под вывороченными корнями. Узкая нора, уходящая вглубь холма. Пахнуло сыростью, прелой листвой и зверем. — Я туда не полезу, — инстинктивно отшатнулся Глеб. — Там змеи. Или медведь. — В Медведя не верю, он ушел западнее, когда ты лес рубить начал, — ровно ответила Аглая. — А змей нет, они спят. Это берлога. Старая. Пустая. Лезь.

Она подтолкнула его в спину. Глебу пришлось встать на четвереньки. Узкий земляной ход царапал колени сквозь ткань ватника. Он прополз метра три, пока ход не расширился в небольшую пещеру. Аглая вползла следом, волоча мешок. Задвинула вход вывороченным пластом дерна, оставив лишь узкую щель для воздуха. Внутри стало абсолютно темно.

— Сиди тихо, — скомандовала она. — Не чиркай зажигалкой. Огонь в лесу сейчас — как крик о помощи. Придут те, кто на крик отзывается.

Глеб нащупал в кармане ватника свой «Ролекс». Стрелки светились в темноте, но цифр он не видел. Время здесь умерло. Он вытянул ноги, пытаясь размять затекшие мышцы. Земляной пол был ледяным.

— Есть хочешь? — спросила Аглая из темноты. Голос звучал гулко, со всех сторон сразу. — Нет, — соврал Глеб. Желудок скрутило спазмом.

Она зашуршала мешком. Послышался стук дерева о дерево, потом тихое металлическое звяканье. Вспыхнула спичка, на секунду ослепив Глеба. Аглая зажгла крошечную масляную лампу — плошку с фитилем. Желтый, трепещущий огонек выхватил из мрака ее лицо, банку с кровавыми «слезами» и старый котелок.

— Держи, — она протянула ему что-то твердое, завернутое в лопух. Глеб развернул. Это был кусок вяленого мяса, темный, почти черный, пахнущий солью и дымом. Он вцепился в него зубами. Мясо было жестким, как подошва, и отдавало сладковатой гнильцой. Глеб с трудом проглотил первый кусок, но когда желудок понял, что еда настоящая, голод проснулся с такой силой, что стало больно. Он съел всё, не чувствуя вкуса, только жуя и глотая.

Аглая тем временем налила в котелок воды из второй, маленькой фляги — Глеб только сейчас заметил ее на поясе ведьмы — и добавила туда несколько капель из банки со «слезами». Жидкость в котелке зашипела и на секунду стала неестественно, фосфоресцирующе-зеленой.

— Что это? — хрипло спросил Глеб. — Память воды, — ответила Аглая, помешивая варево веточкой. — Кровь дерева. Она помнит, как стоять прямо. Мы выпьем это перед сном, чтобы Морок не забрал наши сны. Без снов человек становится травой.

Она сняла котелок с маленького примуса, который Глеб даже не заметил при свете спички. Разлила дымящуюся жидкость по двум алюминиевым кружкам. Одну сунула ему.

— До дна.

Глеб подчинился. Отвар обжег язык вкусом йода, прелых листьев и озона. По телу мгновенно разлилось тепло, но оно шло не от желудка. Тепло поднималось от позвоночника к затылку, вымывая усталость. Глеб вдруг понял, что может дышать полной грудью, а вата в ушах исчезла. Он слышал, как где-то глубоко под землей капает вода. Как дышит Аглая. Как скребется мышь за стеной их убежища.

— Почему ты мне помогаешь? — спросил он. Язык ворочался легко. — Я же убил твою рощу. Я пришел забрать твой дом. Аглая сидела, обхватив кружку ладонями. В желтом свете лампы тени на ее лице казались глубокими впадинами. — Потому что ты сломал замок, — сказала она, не глядя на него. — А я — ключ. Старая кровь. Если мы не починим, лес заберет и деревню, и мой дом, и мои кости. Мне некуда идти. А ты… ты просто дурак с бензопилой. За дураков всегда платят другие. — Я могу заплатить тебе, — Глеб полез во внутренний карман. — У меня в сейфе лежат наличные. Евро. Я переведу тебе на счет, купишь дом в Сочи. Только выведи меня отсюда.

Аглая тихо, сухо рассмеялась. Звук был похож на треск ломающейся сухой ветки. — Твои евро — это бумага, урбанист. Здесь за них даже костер не разожжешь. Ты уже платишь. Ты платишь своим унижением. Ты, который привык покупать людей, сейчас пьешь мою воду и ешь мое мясо. Это честная цена.

Она допила отвар, ополоснула кружку остатками воды из котелка и убрала его. — Спать будем по очереди, — сказала она, укладываясь на бок прямо на голую землю, подложив мешок под голову. — Первую вахту держу я. Твоя психика слишком хрупкая, ты во сне начнешь кричать. Разбудишь Лихо. — Я не буду кричать, — возмутился Глеб. — Будешь, — отрезала она, и в ее голосе не было сомнения. — Я слышу, как в тебе кричит тот мальчик подо льдом. Спи. Если проснешься от того, что корни лезут в нос — не дергайся. Это сон. Просто скажи мне.

Она закрыла глаза.

Глеб остался сидеть в тусклом свете масляной лампы. Сон наваливался тяжелым одеялом, но мозг отказывался отключаться. Он смотрел на профиль Аглаи. На тонкий шрам, пересекающий ее левую бровь. На то, как ровно, почти не вздымается ее грудь.

Он ненавидел ее. Ненавидел за этот схрон, за вяленое мясо, за то, что она знает про лед и мальчика. Ненавидел за то, что впервые за пятнадцать лет он чувствовал себя не в безопасности, а в покое.

Он лег на спину, подложив руки под голову. Земля тянула тепло. Глеб смотрел на земляной потолок, где плясали тени от фитиля, и впервые за этот день позволил себе не думать о контрактах, процентах и упущенной выгоде. Он думал только о том, что если Аглая уснет, этот лес проглотит его без остатка. И мысль об этом почему-то не вызывала паники. Только глухую, тяжелую благодарность.

Сон накрыл его резко, без переходов, как удар по затылку.

Глеб проснулся от того, что его трясли за плечо. Не били, не толкали — именно трясли, настойчиво и мелко, как будильник.

В схроне было темно. Масляная лампа давно погасла, фитиль тихо шипел, умирая. Воздух стал густым, тяжелым, пахнущим мокрой шерстью и железом.

— Тише, — выдохнула Аглая ему в самое ухо. — Не шевелись.

Глеб замер. Он лежал на спине, и Аглая нависала над ним, опираясь на одну руку. Он чувствовал ее колено, упирающееся ему в бедро, и горячую ладонь на своей груди, прямо над сердцем. Она буквально легла на него сверху, чтобы пригвоздить к земле.

— Что случилось? — прошептал он. Горло пересохло. — Снаружи, — она кивнула в сторону заваленного дерном входа. — Не дыши громко.

Глеб задержал дыхание. Сначала он слышал только оглушительный стук собственной крови в висках. А потом сквозь землю донеслось царапанье.

Это не был звук когтей. Это был звук мокрого дерева, которое волокут по камням. Скр-р-р-рип. Долгая пауза. Скр-р-р-рип. Звук обходил их убежище по кругу. Медленно. Проверяя.

Глеб почувствовал, как Аглая напряглась. Ее ладонь на его груди стала каменной, пальцы впились в кожу сквозь ватник. Он понял, что она не просто прижимает его — она слушает ритм его сердца. Если оно сорвется в панику, выдаст их стук.

— Не смотри на вход, — прошептала она. — Оно чует взгляд.

Глеб уставился в земляной потолок. Скр-р-р-рип. Теперь звук был прямо над их головами. На корни над схроном что-то давило. Огромное, тяжелое, влажное. Глебу показалось, что он чувствует запах стоячей воды и тухлых яиц.

— Оно знает, что мы здесь, — голос Аглаи был ровным, но в нем звенела сталь. — Оно чует кровь липы на твоих ботинках.

Глеб скосил глаза вниз. Он забыл снять испачканные в «слезах» земли резиновые сапоги. Они стояли у самого входа, источая слабый, но в этой звенящей тишине — оглушительный запах убитого дерева.

Скр-р-р-рип. Звук замер прямо над лазом.

Сверху посыпалась земля. Мелкая труха упала Глебу на лицо. Он инстинктивно дернулся, зажмурился. Аглая всем весом надавила ему на диафрагму, перекрывая воздух. *«Спи»*, — беззвучно, одними губами приказала она.

Глеб не понял, приказ это или попытка загипнотизировать зверя, но тело послушалось. От нехватки кислорода и запаха сырой земли комната поплыла. Он перестал быть урбанистом в чужом ватнике. Он стал камнем. Корнем. Гнилой колодой. Он перестал быть едой.

Существо снаружи фыркнуло. Звук был похож на лопнувший болотный пузырь. Воздух вырвался из огромных легких под огромным давлением. Ветер ударил в заваленный вход, и пласт дерна, закрывающий лаз, дрогнул.

Скр-р-р-рип. Звук начал удаляться. Обходил поляну по широкой дуге. Шагов не было слышно — только этот невыносимый скрежет чего-то неживого по живому.

Аглая не двигалась еще минуту после того, как звук полностью исчез. Она продолжала лежать на Глебе, вдавливая его в землю, ее ухо было прижато к его груди. Наконец она выдохнула. Теплый воздух коснулся его шеи.

— Ушло, — сказала она и скатилась с него в сторону.

В схроне снова стало просторно и холодно. Аглая села, подтянув колени к груди. Ее била мелкая дрожь. В темноте Глеб не видел ее лица, но слышал, как клацают ее зубы.

— Что это было? — Глеб сел, растирая грудь. На коже под рубашкой наверняка остались синяки от ее пальцев. — Корневик, — Аглая достала коробок спичек. Руки ее плохо слушались, сера ломалась. — Душа болота. Он не ест мясо. Он ест память. Если бы он затащил тебя в трясину, ты бы забыл, как тебя зовут, еще до того как пошел ко дну. Стал бы просто еще одной кочкой.

Она наконец зажгла спичку. Огонек осветил ее бледные скулы. На щеке блестела полоска — слеза. Аглая зло смахнула ее тыльной стороной ладони.

— Ты чуть не убил нас, — тихо сказала она. — Своими сапогами. Своим страхом. Корневик ушел, потому что решил, что мы уже мертвы. Что мы — просто гниль. Твое сердце почти согласилось с этим.

Глеб посмотрел на свои ноги. Сапоги были по щиколотку измазаны темной, уже подсохшей кровью липы. Он поджал их под себя. — Прости, — слово далось тяжело. Оно было чужим для его языка.

Аглая не ответила. Она подкрутила фитиль лампы. Желтый свет выхватил из мрака ее профиль. Она больше не выглядела как всемогущая ведьма. Она выглядела как женщина, которая только что удержала на плечах рухнувший дом и у нее больше нет сил выпрямиться.

— Спи, — бросила она, отворачиваясь. — Вторая вахта твоя. Разбуди меня, когда луна поднимется над елями. Если увидишь синие огни в чаще — ори. Мне плевать, разбудишь ты Лихо или нет. Просто ори.

Она легла на бок, спиной к нему, и мгновенно затихла. Дыхание стало глубоким, ровным — она провалилась в сон за секунду, как падает в обморок.

Глеб остался сидеть. Сон слетел окончательно. Внутри него не было паники. Там было что-то другое.

Он посмотрел на Аглаю. На то, как под грубой тканью плаща поднимается ее плечо в такт дыханию. Она спасла его. Снова. Сначала от удушья, теперь от того, чтобы стать болотным газом.

Он ненавидел этот лес. Ненавидел липкую кровь на сапогах. Но, глядя на хрупкий силуэт женщины, которая плакала во сне от пережитого ужаса, он впервые почувствовал не раздражение, а острую, почти болезненную потребность.

Он должен был выжить. Не ради инвесторов. Не ради «Северной Венеции».

Просто для того, чтобы завтра утром он мог развести костер и согреть ей руки.

Глеб осторожно, стараясь не шуметь, подполз к выходу. Отодвинул краешек дерна ровно на два пальца. В щель пахнуло ночной сыростью. Над лесом висела огромная, болезненно-желтая луна. Он сел, прислонившись спиной к земляной стене, положил топор на колени и стал смотреть на луну, охраняя чужой сон.

Луна поднялась высоко, залив поляну мертвенным, ртутным светом. Глеб сидел у лаза, не сводя глаз с пляшущих теней. Топор в руках казался нелепым — кусок железа против существа, которое само было лесом. Но вес металла в ладонях давал иллюзию контроля.

Тишина больше не давила. Она стала прозрачной. Глеб слышал, как в корнях старого дуба, под которыми они прятались, медленно ползет жук. Слышал, как далеко на западе, за десятки километров, воет собака — звук, казавшийся здесь весточкой с другой планеты. Его паника, его вечная городская тревога растворились. На смену им пришел холодный, кристальный фокус. Он был радистом в тылу врага, и его задачей было не пропустить сигнал.

Сигнал пришел на рассвете.

Сначала изменился запах. Из сырого и грибного воздух стал сладковатым, приторным — так пахнет перезрелая слива, начавшая гнить прямо на ветке. Глеб напрягся. Он тронул плечо Аглаи. Она проснулась мгновенно, без стонов и потягиваний, словно ее просто включили. — Синий туман, — шепнула она, втягивая носом воздух. — Морок спускается.

Они выползли из схрона. Лес изменился за ночь. Между стволами елей, над самой землей, стелились языки густого, светящегося синего дыма. Он не поднимался вверх, а именно стлался, обтекая кочки, словно живая ртуть.

— Не вдыхай, — Аглая достала из кармана плаща тряпичный узелок. Развернула. Внутри была серая, похожая на пепел соль. — Зажми нос. Дыши ртом. И не давай ему коснуться кожи.

Она взяла Глеба за руку. На этот раз не для того, чтобы успокоить или удержать. Это был жест проводника. Она повела его сквозь синюю мглу.

Туман был холодным. Он просачивался сквозь ткань ватника, и там, где касался кожи, Глеб чувствовал не озноб, а странную, вязкую эйфорию. Ему захотелось сесть прямо на мох, снять тяжелые сапоги и смотреть, как встает солнце. Зачем куда-то идти? Роща мертва. Машина не заведется. Всё правильно. Всё так, как должно быть.

— Глеб, — голос Аглаи доносился как сквозь вату. — Смотри на мои сапоги. Не поднимай глаз.

Он заставил себя опустить взгляд. Серые резиновые сапоги Аглаи казались единственно реальным предметом в этом светящемся мареве. Он видел каждую трещинку на резине, комочек грязи у подошвы. Это якорь.

— Мы почти пришли, — сказала она. — Там поляна. «Слезы» нужно лить в центр. В мертвую землю.

Они вышли из полосы тумана так же резко, как и вошли. Синий морок остался за спиной, отрезанный невидимой стеной. Впереди была небольшая круглая поляна. Трава на ней не росла. Земля была черной, спекшейся, покрытой сеткой глубоких трещин, из которых все еще сочился слабый синий свет. Посреди поляны торчал обугленный пень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.